

Глава 1

Пришло время отдавать Манни в школу. У правительства имелась специальная школа. По закону получалось, что Манни не совсем обычен, а потому не может ходить в обычную школу, и тут уж Элиас Тейт не мог ничего поделать. Обойти этот закон было никак невозможно, потому что дело происходило на Земле, и тут на всем лежала тень зла. Элиас ежесекундно ощущал эту тень; вполне возможно, что ощущал ее и мальчик.

Вот только Элиас понимал, что она такое, а мальчик, конечно же, нет. Шестилетний Манни был ребенком крепким и симпатичным, но при этом выглядел как-то вяло, полусонно; можно было подумать (думал Элиас), что он не совсем еще родился.

— А ты знаешь, какой сегодня день? — спросил Элиас.

Мальчик улыбнулся.

— Ладно, — вздохнул Элиас. — Многое будет зависеть от учителя. А что ты помнишь, Манни? Ты помнишь Райбис? — Он показал голографический портрет Райбис, его матери. — Посмотри на Райбис, вот она какая была.

Придет день, и к мальчику вернется память. Некий растормаживающий стимул, предопределенный собственной волей ребенка, включит анамнезис — снятие амнезии, — и на него нахлынут воспоминания: его

зачатие на СУ30-СУ30В, пребывание в утробе Райбис, когда та боролась со своим кошмарным недомоганием, путешествие на Землю, а может быть — даже и допрос. Находясь в материнской утробе, Манни помогал им троим — Хербу Ашеру, Элиасу Тейту и самой Райбис — своими советами, но затем произошел несчастный случай — если, конечно же, это происшествие было случайным. И как следствие — травма.

А как следствие травмы — забвение.

Они доехали до школы на местном монорельсе. Им навстречу вышел низенький мельтешливый человек, представившийся как мистер Плаудет; он кипел энтузиазмом и заявил, что хочет пожать Манни руку. Элиас Тейт ни секунды не сомневался, что этот человек работает на органы. Сперва они жмут тебе руку, думал он, а потом возьмут и придушат.

— Так это, значит, и есть Эммануил, — возгласил Плаудет, широко ослабившись.

В обнесенном оградой школьном дворе играли дети. Мальчик робко жался к Элиасу Тейту; было понятно, что он тоже хотел бы с ними поиграть, но боится.

— Какое красивое имя, — восхитился Плаудет. — А ты, Эммануил, ты можешь сам сказать свое имя? — спросил он, наклонившись к мальчику. — Ты можешь сказать «Эммануил»?

— С нами Бог, — сказал мальчик.

— Простите? — удивился Плаудет.

— На древнееврейском «Эммануил» значит «с нами Бог», — пояснил Элиас Тейт. — Потому-то его мать и выбрала это имя. Она погибла в воздушной катастрофе еще до того, как Манни родился.

— А меня поместили в синтематку, — сказал Манни.

— Так что же, это и стало причиной... — начал Плаудет, но Элиас Тейт жестом призвал его к молчанию.

Покраснев от смущения, Плаудет начал листать тощенькую папку.

— Посмотрим, посмотрим... Так, значит, вы не отец этого мальчика. Вы его двоюродный дедушка.

— С его отцом некоторые трудности, он в криогенном анабиозе.

— Та же самая авария?

— Да, — кивнул Элиас. — Ему нужна пересадка селезенки.

— Это не лезет ни в какие ворота! — возмутился Плаудет. — Чтобы за целых шесть лет не подобрать ничего подходящего...

— Я предпочел бы не обсуждать смерть Херба Ашера при мальчике, — оборвал его Элиас.

— Но он знает, что его отец еще вернется к жизни?

— Конечно. Я задержусь в вашей школе на несколько дней, чтобы посмотреть, как вы тут управляетесь с детьми. Если мне не понравится, если ваша педагогика основана на физической силе, я плюну на все законы и увезу Манни домой. Насколько я понимаю, вы тут фаршируете детям мозги точно тем же дерьмом, что и во всех подобных заведениях. Это меня ничуть не беспокоит, хотя, конечно же, и не радует. Как только я решу, что школа меня более-менее устраивает, вы получите плату за год вперед. Мне не хотелось приводить его сюда, но так велит закон. Я понимаю, — улыбнулся Элиас, — что лично вы тут ни в чем не виноваты.

Игровую площадку окаймляли заросли бамбука, свежий утренний ветер трепал их и раскачивал. Манни прислушивался к голосу ветра, сосредоточенно нахмурившись и чуть склонив голову набок. Элиас похлопал мальчика по плечу и попытался представить, о чем говорит ему ветер. Говорит ли он тебе, кто ты такой? Говорит ли он тебе твое имя?

Имя, думал он, которого никто не должен произносить.

К Манни подошла маленькая девочка в белом платье.

— Привет, — сказала она. — Ты новенький.

Бамбук шелестел и шелестел.

Хотя Херб Ашер умер и пребывал в криогенном анабиозе, у него тоже имелись проблемы. Годом раньше рядом со складским ангаром фирмы «Криолабс инкорпорейтед» поставили пятидесяतिकиловаттный передатчик. По причинам никому не ведомым криогенное оборудование стало принимать мощный УКВ-сигнал. Радиостанция специализировалась на так называемой бодрящей музыке, а потому Хербу Ашеру, как и всем его собратьям по анабиозу, приходилось денно и ночно слушать наглейшую музыкальную дребедень.

В настоящий момент беззащитных мертвецов поливали мотивчиками из «Скрипача на крыше» в переложении для струнного оркестра, что было вдвойне неприятно для Херба Ашера, пребывавшего в полной уверенности, что он еще жив. В его замороженном мозгу мир простирался далеко за пределы холодильной камеры; Херб Ашер словно вновь находился на маленькой планете системы СУ30-СУ30В, где у него был прежде купол, в том критическом году, когда он впервые увидел Райбис Ромми, женился на ней, пусть это и было чистой формальностью, вернулся вместе с ней на Землю, был допрошен с пристрастием земными чиновниками, а потом, для пущей радости, погиб в авиационной катастрофе, происшедшей уж никак не по его вине. Хуже того, его жена погибла настолько подробным образом, что ее было не оживить никакой пересадкой органов; робоврач объяснил Хербу, что хорошенькая головка Райбис

расколосась на две приблизительно равные части — весьма типичная для робота лексика.

Херб Ашер и представлял себя вернувшимся в свой неземной купол, он не знал, что Райбис погибла, да он и вообще ее не знал. Он жил еще до того, как снабженец привлек его внимание к жизни соседки.

Херб Ашер лежал на койке и слушал свой любимый альбом Линды Фокс. Он никак не мог понять, почему на ее голос все время накладываются звуки поганого струнного оркестрика, наяривающего мелодии из популярных бродвейских мюзиклов и всякую прочую белиберду второй половины двадцатого века. С техникой явно творилось что-то неладное. Возможно, когда он делал эту запись, ушла волна. Вот же мать твою, подумал он с почти физиологическим отвращением. Теперь мне придется что-то там чинить. Это значило, что придется слезть с койки, найти инструменты, выключить принимающее и записывающее оборудование, разобрать его — это значило, что придется работать.

Не лейте слезы, родники.
Свою умерьте скорбь.
Взгляните — солнце золотит
Вершины снежных гор.
Мое же солнце сладко спит,
Не ведая о том, и лишь...

Это была лучшая ее песня, песня из Третьей и Последней тетради лютневых песен Джона Дауланда, который жил во времена Шекспира и чью музыку Линда Фокс перекладывала для нужд современности.

Не в силах больше терпеть гнусную помеху, Херб Ашер нажал на пультике дистанционного управления кнопку «стоп». Эффект получился более чем странный: Фокс смолкла, а струнные остались. Херб Ашер вздохнул и выключил всю аудиосистему.

Но даже и теперь «Скрипач на крыше» в исполнении восьмидесяти семи струнных инструментов продолжал терзать ему уши. Сладчайшие звуки заполняли весь маленький купол, почти заглушая чавканье нагнетателя воздуха. Только теперь до Херба Ашера дошло, что он слушает эту мутотень уже целых — боже праведный! — три дня.

Какой кошмар, думал Херб Ашер. В глубоком космосе, в миллиардах миль от Земли я вынужден бесконечно слушать пиликанье восьмидесяти семи струнных. Что-то тут явно не так.

Вообще-то за последний год многое пошло не так. Эмиграция из Солнечной системы оказалась страшной ошибкой. Он умудрился не заметить важнейшего обстоятельства, что обратная дорога закрыта для него на целых пять лет. Этим законом двустороннее правительство Солнечной системы гарантировало постоянный отток населения при полном отсутствии притока. Альтернативой эмиграции была армейская служба, то есть — почти верная смерть. Слоган «УЛЕТАЙ, А ТО СПЕЧЕШЬСЯ» не сходил с экранов государственного телевидения. Либо ты эмигрируешь, либо твою задницу поджарят в абсолютно бессмысленной войне. Теперь правительство даже и не пыталось подводить под войны какую-нибудь идейную основу. Тебя просто посылали на фронт, убивали и подменяли очередным придурком. Это стало возможным после объединения коммунистической партии и католической церкви во всемогущую метасистему, возглавлявшуюся двумя правителями, на манер древней Спарты.

Здесь же, на этой планетке, Херб Ашер был хотя бы в безопасности от родного правительства. Ну а со стороны крысовидных туземцев ему ничего особенно не грозило. Немногие оставшиеся туземцы никог-

да не убивали землян, засевших в куполах вместе со своими ультракоротковолновыми передатчиками и психотронными генераторами, фальшивой пищей (фальшивой с точки зрения Херба, он ненавидел ее вкус) и техническими выкрутасами, создававшими жалкое подобие уюта; все эти вещи были абсолютно непонятны простодушным туземцам и не вызывали у них никакого любопытства.

Вот же зуб даю, что базовый корабль висит прямо у меня над головой, сказал себе Херб Ашер. Висит и лупит по мне из психотронной пушки этим самым «Скрипачом». Шутки у них такие.

Он встал с койки, кое-как доплелся до пульта и окинул взглядом третий радарный экран. Радар видел все что угодно, кроме базового корабля. Догадка не подтвердилась.

Бред какой-то, подумал Херб. Он собственными глазами видел, что аудиосистема надежно отключена, однако звук не затихал. И он не исходил из какой-то одной точки, а был вроде как ровным слоем размазан по всему пространству купола.

Херб сел к пульта и связался с базовым кораблем.

— Вы передаете сейчас «Скрипача на крыше»? — спросил он у дежурного контура.

— Да, — послышалось после долгой паузы. — У нас есть видеозапись «Скрипача на крыше» с Тополем, Нормой Крейн, Молли Пайкой, Полом...

— Хватит, — испугался Херб. — А вот сейчас, в этот момент, что вы сейчас принимаете с Фомальгаута? Что-нибудь со струнным оркестром?

— А, так вы, значит, Пятая станция. Фанат Линды Фокс.

— Это что, — хмуро поинтересовался Ашер, — это так меня теперь называют?

— Мы выполним ваш заказ. Приготовьтесь принять на высокой скорости два новых аудиоальбома Линды Фокс. Вы готовы к приему?

— Я хотел спросить совсем о другом.

— Начинаем передачу на высокой скорости. Спасибо.

Дежурный контур базового корабля отключился, и Херб Ашер услышал сжатые до комариного писка звуки; базовый корабль послушно исполнял заказ, которого он не делал.

Когда передача закончилась, Херб снова связался с дежурным контуром.

— Я слушаю «Сватья, сватья» вот уже десять часов кряду, — пожаловался он. — Меня скоро вытошнит. Может, вы отражаете сигнал от чьего-нибудь ретрансляционного щита?

— Я постоянно отражаю сигналы от тех или иных ретрансляционных щитов, — заговорил дежурный контур. — Это входит в круг моих прямых...

— Конец связи, — сказал Херб Ашер и отключился.

Через иллюминатор купола он видел сутулую фигуру, медленно плетущуюся по промерзшей пустыне. Туземец со своей жалкой поклажей, ищет, наверное, что-нибудь.

— Эй, клем¹, — сказал Херб Ашер, нажав кнопку внешнего динамика. Для землян все туземцы были на одно лицо, и они называли всех их клемами. — Я хочу тут с тобой посоветоваться.

Туземец неохотно развернулся, подошел к шлюзовой камере купола и нажимом кнопки известил, что хочет войти. Херб Ашер активировал шлюзовую

¹ Клем — уменьшительное от Клемент. На жаргоне американских «карнавальщиков», бродячих циркачей, «клем» обозначает «лох», «простофиля», «деревенщина».

механизм, предохранительная мембрана встала на место, и туземец исчез в шлюзе; секунду спустя он уже стоял внутри купола, стряхивая с себя метановый иней и недовольно косясь на землянина.

Ашер извлек из ящика переводящий компьютер и сказал туземцу:

— Это займет буквально минуту. — Компьютер превратил звуки его голоса в последовательность отрывистых щелчков. — Я принимаю какие-то звуковые помехи и никак не могу от них отстроиться. Это не твои соплеменники забавляются? Вот, послушай.

Туземец стоял и слушал, напряженно наморщив темное, похожее на печеную картошку лицо. В конце концов он заговорил; голос компьютера, превращавшего двоичные щелчки в английскую речь, звучал на удивление резко.

— Я ничего не слышу.

— Ты врешь, — сказал Херб Ашер.

— Нет, — отрезал туземец, — я не вру. Возможно, твой разум удалился благодаря изоляции.

— Я блаженствую в изоляции. К тому же я совсем не изолирован.

И действительно, у него всегда была такая прекрасная компаньонка, как Линда Фокс.

— Я уже видел, как такое случается, — сказал туземец. — Купольникам вроде тебя начинают чудиться голоса и образы.

Херб Ашер достал стереомикрофоны, присоединил их к вольтметрам и включил магнитофон. Приборы ничего не показывали. Он прибавил громкость до максимальной, и все равно стрелки приборов не двигались. Ашер кашлянул, и тут же обе стрелки ударились об упоры; тревожно вспыхнули светодиоды перегрузки. Ну что ж, получается, что магнитофон по какой-то неясной причине не записал эту слюнявую